Козырный туз в рукаве, или памяти Михоэлса

«Большой концерт народов, или Дыхание Чейн-Стокса»,

Россия, 1991, 141 мин.

«Тост Сталина за великий русский народ», худ. М. Хмелько, 1949

70 лет назад, 12 января 1948 года, умер, то есть был убит, Соломон Михайлович Михоэлс — великий еврейский артист и выдающийся общественный деятель. После этого немедленно ликвидировали Еврейский антифашистский комитет (ЕАК), и почти все его руководители были расстреляны сталинско-бериевскими палачами. Этим ужасным событиям посвящен документальный фильм, снятый в 1991 году режиссером Семеном Арановичем. Он же, совместно с Павлом Финном, написал сценарий фильма. Собственно говоря, работа сценаристов состояла в данном случае в отборе монологов свидетелей тех событий — в основном родственников погибших.

Это именно монологи, а не интервью: перед нами только лица мужчин и женщин, которые говорят, вспоминают, после десятилетий молчания отводят душу. В фильме нет закадрового текста: того, что люди рассказывают, достаточно. Монологи иногда перебиваются архивными съемками: из минского поезда выносят оцинкованный гроб с телом Михоэлса; Михоэлс уже в открытом гробу во время панихиды; Михоэлс с Фефером в США в 1943 году;

Михоэлс лихо отплясывает на сцене в центре других отплясывающих хасидов: это, по-видимому, финал госетовской постановки 1923 года «200 000» («Большой выигрыш») по Шолом-Алейхему; выступление Михоэлса на каком-то антифашистском форуме; заседание ЕАК и т.д. Есть в фильме и другие, несколько странные съемки, не имеющие отношения ни к Михоэлсу, ни к ЕАК, ни вообще к евреям. Но об этом позже.

А построен фильм так: вначале быстро показаны много фотопортретов — не один за другим, а как бы в виде виньетки с фамилиями, которые мы даже не успеваем толком прочесть. Потом два с чем-то часа вот этих душераздирающих монологов с повторяющимся лейтмотивом прихода ночью пятерых или семерых в длинных плащах в сопровождении дворнички, и его слов на прощанье и — сквозь сдерживаемые или не сдерживаемые слезы — «больше мы не увиделись никогда».

Соломон Михоэлс

Портрет Михоэлса, худ. Н. Альтман, 1927

Естественно, тянет узнать, кто это — чья вдова, дочь, сын говорит, но подписей под лицами нет: документальность документальностью, но режиссеру, видимо, хочется, чтобы индивидуальные слезы слились в соленое озеро еврейских слез. И, наконец, в финальных титрах имена тех, кому

авторы фильма выражают благодарность, ползут уже медленно: Моисей Соломонович Беленький, Любовь Мироновна Вовси, Тамара и Алла Зускины, Етта Квитко, Наталья и Нина Михоэлс, Эстер Маркиш, Дора Фефер... И среди этого еврейского контингента несколько русских имен: Иван Лукич Бушмин, Алексей Трофимович Рыбин, еще кто-то. Значит, и их авторы благодарят: ведь они тоже вспоминали, напрягали старческий мозг.

Надо посмотреть этот фильм, чтобы уловить весь едкий сарказм такого вкрапления. Иван Лукич — тюремщик Бутырки — прослужил в этой тюрьме сорок лет, дослужился до старшины. Плотный человек с постоянно улыбающимся или постоянно ощеренным лицом. В молодости занимался самбо, был чемпионом всесоюзных соревнований среди самбистов-тюремщиков. Оно и в работе полезно: если что, руку недисциплинированному зэку за спину заведешь, это его сразу в чувство приводило.

Ну ладно, может быть, Иван Лукич заводил за спину руку Маркишу или Квитко. Но Алексей Трофимович Рыбин, он-то здесь при чем? Служил в охране Сталина, потом был начальником охраны Большого театра... Каким он там евреям руки заламывал?

Но опять, надо увидеть этот фильм. Надо увидеть лицо этого человека. Вот оно. Как видите, Алексей Трофимович тоже способен плакать: наверное, в этот момент он вспомнил Иосифа Виссарионовича. Какой человек был! Добрый, скромный, честный, ни копейки себе из казны не присвоил, не то, что нынешние. Антисемит? Да никогда он им не был! Работал в кремлевской столярке один такой Бруевич, так Иосиф Виссарионович всегда его звал в городки поиграть. Ну, сами посудите: будь Сталин антисемитом, стал бы он культурно развлекаться с этим Бруевичем, чья национальность была на носу написана?

Аранович откопал этого Рыбина в каком-то московском ЖЭКе, где тот, уже будучи пенсионером, бесплатно учил детишек игре на баяне. И с тех пор он носился с Алексеем Трофимовичем как с какой-то драгоценностью, сделал его героем трех фильмов.

Да что же за драгоценность? Опять, не посмотрев фильм, этого не понять. В словах трудно выразить, почему этот старый хрен — идеальное воплощение сталинщины. Надо послушать его постный, уныло бедный и все-таки гладкий,

находящий формулировку для каждой выражаемой мысли разговор: это похоже на язык лубянского следователя, не больно ладящий с грамматикой, но позволяющий составить протокол допроса достаточно внятно. И надо увидеть его как бы дружелюбный, но всегда хитро настороженный глаз: чай, знает, что с врагами-евреями говорит, ну что ж, пусть и с ними: правду можно любому сказать. (Примечание: Алексей Трофимович согласился сниматься с условием, что речь его резать не будут и никакими «умными» комментариями ее не сопроводят. Аранович условие выполнил).

Алексей Рыбин

Книга Алексея Трофимовича

Бушмин, хорошо знакомый с Рыбиным, назвал его «человеком в быту своеобразным»: например, он даже летом носит валенки. Зябнет, что ли? Может быть. Но, кажется, он еще носит их потому, что валенки ступают тихо, а он любит тишину. Он и соседям, живущим над ним, подарил тапочки, чтобы они не гремели там над головой. Тишина — это порядок и дисциплина, кто верно служит — молчит и слушает, кто свое дело любит — тоже помалкивает, не про всякое дело можно языком болтать, а если по сути, так ни про какое нельзя. Будь он болтуном, недолго бы Иосиф Виссарионович его в своей охране продержал. Ш-ш-ш, ш-ш-ш, тихо скользят валенки по паркету тесной, но все равно полупустой хрущевки: Алексею Трофимовичу и Екатерине Тимофеевне много не нужно, они родине служили, а не сотенные на сберкнижке копили.

Понятно, понятно, но все же — какая связь? Все-таки Алексей Трофимович следователем не был, людей в застенках, тем более евреев из ЕАК, не мучил.

Во-первых, это еще неизвестно. Во-вторых, этот Рыбин — типичный кадр сталинского призыва поздних 1930-х. Эти люди бывали и крестьянами, но в

основном это окраинная шелупонь, подгородчина, шариковы — те, кого позже стали называть «лимитой». А еще такой социальный слой подходит под категорию «мещане». Горький в разговоре с Шоломом Ашем во время посещения тем СССР в 1928 году высказал мнение, что простой русский человек по природе своей не антисемит — антисемитизм в основном исходит от мещан.

Василий Васильевич Бессеменов, герой горьковской пьесы «Мещане», предлагает такой рецепт улучшения русской жизни: «Жиды всему причина! Жидов надо ограничить. Губернатору, говорю, жалобу на них — ходу русским не дают, и просить его, чтобы выселил жидов». Не говорю, что чекисты ленинского призыва были ангелами, но антисемитами они не были. Вытесняя их, Сталин широко открыл двери в органы и вообще в низший и средний эшелоны власти, мещанам, то есть, антисемитам. Рыбин из них, и Аранович уделил ему такое большое место не как непосредственному палачу еврейских интеллигентов в лихом 1952 году, а как воплощению поздней сталинщины, которая по самой сути своей была антисемитской.

К слову, вот что сказал Шолом Аш Горькому в том разговоре: «Все евреи без исключения считают, что было бы величайшей бедой, которая привела бы к страшной резне, если бы, не дай бог, власть перешла в другие руки. Огонь антисемитизма пылает в России, как никогда, и стоит только пошатнуться большевистской цитадели, как будет принесено в жертву все ее еврейское население».

Шолом Аш, по-видимому, имел в виду переход власти из рук большевиков обратно в руки монархистов-черносотенцев. Но история СССР показала, что его слова можно истолковать совсем по-другому: все еврейское население может быть принесено в жертву, когда большевистской цитадели как таковой ничто не угрожает, а просто у кремлевского сидельца развивается дыхание Чейн-Стокса: открыть шлюзы для грязной волны антисемитизма — испытанное лекарство для поправки рейтингового здоровья. Именно это наблюдалось в годы позднего сталинского правления, и об этом фильм Арановича.

Иван Лукич Бушмин

Я сказал «большевистской цитадели», но мог бы сказать «кремлевской» или «российской». Пока что Путин не использовал еврейскую карту. Но может быть, только потому, что для стабилизации вибраций Кремля оказалось достаточно крымской и антиамериканской? Антисемитизм — козырная карта теряющих власть кремлевских царей (Александр III сказал: «А я, признаться, и сам рад, когда бьют евреев»), диктаторов и автократов. Не придерживает ли Путин козырного туза в рукаве на черный день?

С дыханием Чейн-Стокса в названии фильма все понятно, а почему «большой концерт народов»? Черно-белые монологи родственников убитых в 1952-м иногда перебиваются цветными кусочками грандиозных кремлевских концертов того же периода, где народы всех шестнадцати братских республик демонстрируют свои песни и пляски. Конечно, главные песни — про раздольные леса да зеленые поля — исполняет под гармошку старший брат. Жить стало лучше, жить стало веселее. Ну и к тому же этот шум и гром заглушает крики избиваемых на Лубянке, до которой от Кремля рукой подать.

Иван Лукич Бушмин с гордостью сообщает, что его сын пошел куда дальше

отца-старшины — он майор МВД. Фильм снят в 1991 году. Теперь Бушмин-младший, небось, до генерала дослужился.

Святослав Бакис, специально для «Хадашот»